

УБИТЬ ЛЕШЕГО

АНДРЕЙ ПУЧКОВ



Андрей Викторович Пучков

Убить лешего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66259616

ISBN 9785005348258

Аннотация

Кто бы мог подумать, что события, произошедшие с тобой в детстве, изменят твою судьбу. Что ты станешь спасением для одних и проклятием для той, которая была для тебя дороже собственной жизни. Ты потеряешь любовь, но обретёшь силу и друзей, готовых разделить с тобой опасности.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Убить лешего

Андрей Викторович Пучков

Редактор Мария Крылова

Корректор Мария Крылова

© Андрей Викторович Пучков, 2021

ISBN 978-5-0053-4825-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Не ходите дети...

– Сань! Саня! Саня-я-я-я! – услышал вдруг я в открытое окно, и чуть не подпрыгнул от неожиданности. У моего приятеля Михи, был до невозможности визгливый голос, особенно, когда он вот так начинал орать! Чертыхнувшись, я высунулся в окно и заорал в ответ:

– Чё ты орёшь как потерпевший? Видишь же, что я возле окна сижу? Спокойно позвать не можешь? Миха довольно засмеялся:

– Так я потому и заорал, что-то ты больно уж спокойно сидишь.

– Давай, залазь, – махнул я приятелю рукой и отошёл от окна, куда он должен был забраться. Миха прислонил свой велосипед к палисаднику, и, проигнорировав находившуюся в трёх метрах от него калитку, перемахнул через забор. С треском продравшись через колючие кусты малины, ловко забрался в моё окно. Сказывались частые тренировки, мы в гости друг к другу почти всегда ходили именно так, чтобы не делать крюк через весь двор.

– А ты чё в такую рань-то, припёрся? – спросил я. – Договаривались вроде как в десять.

– Ага. В десять. Как же... – пробормотал Миха, присаживаясь к столу, и с ловкостью фокусника, выхватывая из-под холщовой тряпицы булочку, которые моя бабушка пекла через день, пока любимый внук, то есть я, гостил у неё летом.

– Ты жнаешь, кого я ш утра вижел? – прошамкал он, забив рот булочкой. Я пожал плечами, давая ему понять, что в отличие от него, я нормальный человек, и спозаранку по улицам не шатаюсь.

– Ольга приехала! – прожевав, торжественно выдал новость Миха и выжидательно уставился на меня, недоумевая, почему я так спокойно реагирую на эту потрясающую, с его точки зрения новость. Я опять пожал плечами и как можно более спокойным голосом, с этакой равнодушной «ленцой» протянул:

– И что? Она вообще-то каждый год приезжает. Так же, как и я.

Приятель ничего не ответил по чисто техническим причинам. Он опять набил рот моей булкой.

– И из всей нашей банды, – с сарказмом продолжил я, – мы все приезжие. И только ты один, обезьяна местная. Противная наглая обезьяна, с не менее противным голосом. Миха, не переставая жевать, заухал, начал чесаться, а потом замычал, и полез искать на мне блох.

Новость на самом деле была потрясающая. Потрясающая для всех, даже для девчонок, потому что Ольга была очень красивая, и когда она приезжала, все местные «звёздочки»

закатывались. А про пацанов я вообще молчу, с прошлого года, когда мы закончили восьмой класс, к ней «неровно» дышали все. В том числе и я. Но я, в отличие от других парней, с маниакальным упрямством и упорством скрывал своё «неровное» дыхание.

Деревня, куда я каждый год приезжал к своей бабушке, была не очень большая, но живучая, и исчезать не собиралась, напротив, в последние годы, следуя веяниям времени, она даже стала расти. Горожане бросали благоустроенные квартиры и перебирались поближе к природе. Мы в своей компании друг с другом были знакомы уже давно, можно сказать, с «глубокого» детства, когда родители стали нас вывозить к нашим бабушкам и дедушкам. Сначала, нас оставляли ненадолго, а потом, когда мы подросли и пошли в школу, стали оставаться на всё лето.

Ольга, сначала ничего особенного, из себя, не представляла, ребёнок как ребёнок. Она была такая же чумазая, как и все мы. Но, когда она приехала на каникулы после восьмого класса, нам всем стало плохо. Девчонкам понятно из-за чего. А вот нам, пацанам, не понятно. Она стала выглядеть совершенно по-другому. Она вроде бы и вела себя с нами, как и прежде, прикалывалась, смеялась, дурачилась. Но!.. Но!.. Всё уже было не то. Я не мог уже как прежде толкнуть её с мостков в воду на озере, не мог посадить её на колени лягушку, или подбросить мышь, чтобы посмотреть, как она вместе с другими девчонками будет визжать и бегать.

Она перестала быть просто девчонкой, она стала слишком взрослой, что ли, и какой-то женственной. И теперь, когда я случайно прикасался к ней, мне казалось, что я краснею. Да чего там греха таить. Я иногда сам, вроде бы как случайно прижимался к ней, а потом, с равнодушной мордой, но с бешено колотящимся сердцем, как можно равнодушнее цедил сквозь зубы: «Извини я нечаянно...»

– Да хватит тебе уже жрать! – рявкнул я на приятеля. – Ты из-за своей толстой рожи, ко мне в окно еле залез!

– Да как это хватит? – искренне удивился Миха. – Булочки то ещё остались. Не сожрать, так пропадут.

Я вздохнул, этого уже не переделать. Пожрать, у него самое главное дело в жизни. Но, к слову сказать, Миха не был толстым. Он был квадратным, и по-взрослому сильным, он был таким от природы. Он не занимался спортом и не «качался», он просто пошёл в своего отца, самого сильного человека в округе.

– Чё делать-то будем? – спросил я Миху, с замиранием сердца ожидая ответа, что мы всё равно поедем на рыбалку, как и собирались, а не пойдём на наше обычное место встречи, на котором мы собирались уже много лет.

– Как чё? – удивился Миха. – На наше место идём! Как обычно. Он немного помолчал, а потом, как заговорщик осмотрелся, понизил голос, и прошептал:

– Видел бы ты её Саня. Она обалденная! И он, не найдя больше слов, руками показал, насколько Ольга обалденная.

Я опять пожал плечами, и, хмыкнув, как можно безразличнее протянул:

– Ну-у-у... Она всегда, более, менее выглядела. Чё восторгаться то так? Миха, видимо решил, что я со своим тупым восприятием жизни, не в силах оценить прекрасное, махнул на меня рукой и спросил:

– Чего ты ждёшь? Иди, умывайся, приводи себя в порядок, через полчаса встречаемся на «нашем» месте. И он, покрутив перед моим носом сотовым телефоном гордо выдал:

– Она мне свой номер дала, я с ней созвонился, и мы договорились в десять. Я смотрел на довольную физиономию приятеля, и еле сдерживался от того, чтобы не дать ему подзатыльник. Мне было завидно, ему она телефон дала, а мне нет. И мне совершенно было не интересно, что он с ней уже встречался, а я ещё нет. Однако я прекрасно понимал, что если я дам ему подзатыльник, то меня потом спасёт от пинка под зад только то, что я быстрее него бегаю. А когда до меня дошло, что я увижу Ольгу буквально вот скоро, метнулся к умывальнику.

* * *

Миха оставил велосипед у меня во дворе, смущённо пробормотав, что он будет только мешать. Я его прекрасно понимал, мы всё-таки взрослые парни, и на велосипедах уже не катаемся, тем более в присутствии таких девушек как

Ольга. Избавившись от принижающего достоинство лихих парней велосипеда, мы пошли за деревню, где за одним из огородов, кем-то, когда-то, была сооружена крыша, удерживаемая на четырёх столбах. Под этим навесом лежали два толстых бревна, которые мы с успехом использовали в качестве пристанища для наших «задних» мест.

Ольга была уже на месте, она сидела на бревне, и о чём-то разговаривала со своей подружкой Томкой, которая стояла перед ней и размахивала руками, рассказывая явно что-то интересно. Ольга заразительно смеялась, время от времени, прижимая к губам ладошки. Увидев нас, девчонки замолчали, и с интересом смотрели, как мы приближались, старательно удерживая на своих физиономиях делано-скучающий вид. Когда мы подошли, Ольга встала, и вместо приветствия удивлённо произнесла:

– Ого-о-о! Саня! Какой ты стал высокий! Я, по привычке пожал плечами, и еле сдерживая волнение, стараясь говорить, как можно спокойнее произнёс:

– Привет Оль. Ну да. Вырос немного. Скромно умалчивая о том, что за прошедший год, я вымахал сантиметров на пятнадцать, и теперь возвышался над всеми на целую «голову».

– Ты стала очень красивой! – вдруг вырвалось у меня, и я почувствовал, что краснею.

– Спасибо Саня, – смущённо пробормотала Ольга, и вдруг, я с удивлением увидел, как она тоже начала краснеть. Она была действительно красивой: тонкая, упругая,

стремительная! Потрясающая! Может быть, где-то и есть девушки красивее, но, я таких мест не знал.

Мы стояли друг напротив друга, красные, смущённые и не знали, о чём говорить. Я краем глаза видел, как на нас вылутился Миха, и с открытым ртом стоит Томка. Спас положение, ещё один наш приятель Димон.

– Здорово «гараж»! – услышали мы радостный вопль и очнулись. Димон ехал к нам на велосипеде и радостно орал. Ему было пофигу, перед кем ездить на велосипеде. Он даже перед президентом, будет на нём кататься. Главное, чтобы не пешком. Димон орал всегда, он был самый шумный из нашей компании, и самый бестолковый, из-за него, мы неоднократно вляпывались во всякие неприятности, но, дружить с ним не переставали, потому что знали, что он не со зла, и как говориться, «костями ляжет» за друзей.

– Всё! Можете больше никого не ждать. Остальные придут только недели через две. Сообщил Димон и пожал руки мне, и Михе. Потом он переключился на девчонок, походил вокруг них, поцокал языком, и наконец, проскрипел:

– Вай, вай, вай! Какой красивый девушка! А потом, совершенно без всякого перехода выдал:

– Ну что, вы готовы к тому, о чём договаривались прошлым летом?

– Это ты о чём? – вопросительно протянула Ольга, и посмотрела на меня, словно ждала разъяснений.

– А он о походе на кладбище, – хохотнул Миха, мы, ко-

гда в прошлом году прощались, договаривались туда всё-таки сходить, когда опять встретимся.

– Точно! – обрадовался Димон. – Ну что, готовы?

– Димочка, мы там уже десять раз были, – ехидно протянула Томка, – и честно говоря, меня это уже перестало возбуждать. Придумай, какое-нибудь другое развлечение для дам.

– А что же тебя «золотце» моё возбуждает, ты только скажи, я буду очень стараться. Обрадовался предложенной теме разговора Димон, и потянулся к Томке:

– Иди ко мне «Солнышко», дай поцелую. Томка взвизгнула, и, засмеявшись, спряталась за Ольгу. Я замер, если он нечто подобное попробует проделать с Ольгой... мы с ним, наверное, перестанем быть друзьями. Но, он не посмел, Ольга просто посмотрела на него, улыбнулась, и он потерял к ней всякий интерес. Какой бы бестолковый Димон не был, в этот раз чувство самосохранения у него сработало как надо.

– Да мы не о нашем кладбище говорили. Оставив, наконец, Томку в покое, и усаживаясь на бревно, проговорил Димон.

– Ты что, предлагаешь сходить на «старое» кладбище? – удивлённо протянула Томка и сама уселась рядом с Димоном, уставившись на него, и приоткрыв рот.

– Ну а что, когда-то надо попробовать, – с необычной для него серьёзностью сказал вдруг Димон, – а то, на следующее лето, неизвестно кто из вас приедет, да и неизвестно,

сколько потом лет пройдёт, прежде чем опять увидимся-то. На этот раз, вон, трое считай уже не приедут. Димон помолчал немного, вместе с нами размышляя о грустном, а потом вдруг опять заорал:

– Или вам всем слабо!

На это слабо, он нас и купил.

Старое, давно не действующее кладбище, было особым местом. Оно находилось примерно в двух километрах от деревни, примыкая почти вплотную к лесу. Туда было запрещено ходить. Нам с самого детства внушали, что туда путь закрыт. Чуть ли не каждый день твердили, чтобы мы обходили это место стороной, причём делая большой крюк. Нас пугали всей нечистью, которая только могла водиться на кладбищах. И которая могла утащить детей в могилу, выпить кровь, разорвать на куски. И мне кажется, что местные жители специально для детей придумывали совсем уж экзотических тварей, имеющих и щупальца, и жвалы как у огромных пауков, и клешни как у крабов, и ядовитые скорпионьи хвосты.

Все эти рассказы достигли своей цели. Мы туда не ходили, да собственно, там и делать-то было нечего. А вот когда мы подросли, то начали подумывать, о том, что неплохо бы, хотя бы одним глазком, заглянуть за кладбищенскую ограду. Но, решимости хватало только на то, чтобы побродить среди могил на действующем кладбище. Мы, как-то раз, даже ночью туда ходили, и когда в темноте раздался какой-то

треск, дружно улепётывали, петляя между могил, и радостно чувствуя, как от неожиданности замирает сердце!

Выбирались мы конечно и к старому кладбищу, но, ни разу не подходили близко к ограде, на удивление высокой, наверное, больше полутора метров, и крепкой. Во время этих вылазок, я не увидел ни одной сломанной доски или вывернутого столба. Самым интересным было то, что ворот ведущих на территорию кладбища не было, была только калитка, закрытая на несколько оборотов толстой проволоки.

– А когда, ты собираешься туда сходить? – любопытствовал Миха. – Надеюсь, что после ужина, пожрать-то хоть успеем?

– Успеем пожрать, успеем! – засмеялся Димон. – И даже может быть потом, сами для кого-нибудь жратвой станем!

Мы ещё целый час сидели и болтали обо всём. Что в голову приходило, о том и говорили. Я сидел, ни жив, ни мёртв. Ольга сама села на бревно рядом со мной, и иногда, волей, неволей прикасалась ко мне бедром, а так как она была в коротком платье, то, вид её стройной, голой ноги, вызывал у меня не только косоглазие, но и нешуточное сердцебиение. Встретиться решили здесь же, в девять вечера, благо, что «старое» кладбище находилось именно в этой стороне.

* * *

На «наше» место я прибежал за час до встречи, и маял-

ся вполне понятным для себя нетерпением. Всё дело было в Ольге! Когда мы всей компанией возвращались в деревню, она подошла ко мне, и вдруг взяла под руку. Причём, у неё это получилось так естественно, что я даже сначала не понял, что произошло. А потом, покорно потопал рядом с ней, повинуясь её руке, как баржа буксиру. И только когда увидел, и почувствовал её тонкие пальчики на своём предплечье, понял, что произошло, и у меня перехватило дыхание. Шёл как слепой, не глядя, куда ставлю ноги. Спотыкался, краснел, понимая, что выгляжу полным идиотом, так как под руку никогда ни с одной девчонкой не гулял. А тут вдруг сразу, такая как Ольга. Но, я справился, и под конец, уже гордо вышагивал, сообразив переставлять собственные длинные ноги помедленнее.

Ольга пришла вскоре после меня. Когда я увидел её вдалеке, встал с бревна, и, раскрыв рот, смотрел, как она приближается ко мне, красиво переставляя стройные ножки, обтянутые синими джинсами. Подойдя, она улыбнулась, села на бревно, и похлопала по нему рядом с собой ладошкой. Поняв, что она хочет, чтобы я сел рядом с ней, послушно опустился на бревно. Ноги меня всё рано не держали. Мы ни о чём не говорили, просто сидели и молчали. И я вдруг понял, что ей нравится рядом со мной. Нравится, когда я просто нахожусь рядом с ней. Точно так же, как и мне. И это неожиданное открытие меня успокоило, оно заставило моё сердце биться медленнее, и я наконец-то смог сам посмот-

реть ей в глаза. Ольга, в ответ, на мой взгляд, улыбнулась, и вдруг взяв меня за руку, переплела свои пальчики с моими пальцами. Моё душевное равновесие, восстановленное с таким трудом, рухнуло, и я, опять отключив мозг, сидел, и глупо улыбался, слушая бешеную скачку собственного сердца.

– Хорош вам обниматься! – заорал Димон, заставив своим воплем вздрогнуть нас обоих. Мы сидели спиной к деревне, и занятые собой не слышали, как притопала остальная компания.

– Ну что, подождём ещё? Пускай стемнеет посильнее. Или сейчас двинемся? – спросил Димон, обращаясь сразу ко всем.

– Сейчас идём! – решительно заявила Томка. – В темноте, ты можешь туда и один сходить. Тебе-то бояться нечего, ОНИ, своих упырей не трогают!

До кладбища мы добрались минут за двадцать, довольно смело подошли к калитке, и остановились притихнув. Дольше идти никому не хотелось, это нежелание буквально плавало в воздухе, и отталкивало нас от кладбищенской ограды.

– Ну, чё замерли? – шёпотом спросил Миха. – На само кладбище-то идём, или не идём?

– А ты что? – так же шёпотом спросил у него Демон. – Испугался что ли?

– Сам ты испугался! – повысил голос, Миха. – Давай, бросай, свой самокат, и пошли. И он первым направился к калитке.

– Подождите, подождите, – скороговоркой выдала Томка, – смотрите, на кладбище туман, а в лесу рядом тумана нет. А так разве должно быть? Там как-то страшно.

– Конечно, страшно! – явно начиная «рисоваться» перед Томкой, специально повысив голос, ответил Миха. – Мы сюда вроде как для этого и пришли.

– А может, мы всё-таки не пойдём туда? – шёпотом поддержала подругу Ольга. – Не зря же, сюда никто никогда не ходит. Может, там действительно что-то такое есть?

– А-а-а-а! Бредятина всё это! Для детей сказки! – совершенно осмелев, заявил Миха, и присев перед калиткой начал разматывать проволоку.

Размотав, повесил её на забор, и широко открыв заскрипевшую несмазанными петлями дверцу, сделал дурашливый приглашающий жест рукой:

– Прошу Вас дамы и господа! Прошу! Я Вам обещаю, что эту экскурсию, вы долго не сможете забыть!

Кладбище было действительно старым. Мы медленно шли по центральной, заросшей травой дороге, с обеих сторон которой, находились почти сравнявшиеся с землёй холмики. И иногда, о том, что именно в этом месте была могила, можно было определить только по высоте травы. На могилках, она была выше. В самом начале кладбища, крестов, и каких-либо памятников на могилах почти не сохранилось, однако, чем дальше мы уходили от ворот, тем больше их стало попадаться на глаза. Я с опаской поглядывал на покосивши-

еся символы христианства, и мне всё сильнее и сильнее хотелось отсюда сбежать.

С центральной дороги мы не уходили, такого желания не возникало ни у кого, тем более что туман стал плотнее, и уже заполнил всё пространство над могилами, по какой-то странной прихоти не затронув дорогу, по которой мы прогуливались с вытаращенными от страха глазами.

– Ну что, дальше пойдём? Или хватит! Возвращаться будем, – отбросив браваду, прошептал Миха, тревожно оглядываясь.

– Давайте возвращаться, – так же шёпотом, попросила Томка, – а то вон, что-то даже и птиц неслышно стало. Да и вообще, жутко как-то.

Я прислушался, а ведь и правда, не было слышно птиц, хотя, ещё не совсем стемнело, и даже дневные птицы должны были орать напоследок. Над кладбищем воцарилась буквально «мёртвая» тишина.

И вдруг, я почувствовал, как мне стало страшно, нет, разумеется, мне и так было страшно. Нам всем было страшно. Но, это был реальный страх, мне даже показалось, что его можно было буквально потрогать руками. И этот страх, холодной тяжёлой волной, наваливался на нас из глубины кладбища. Вся наша отважная компания, беспомощной стайкой замерла перед надвигающимся ужасом, и когда из тумана, метрах в десяти перед нами вышел какой-то старик, Томка, которая увидела его первой, смогла только под-

нять руку, и показать пальцем в его сторону. Говорить она не могла, она показывала на старика пальцем, и когда я посмотрел на неё, то увидел, что по бледному лицу девушки текут слёзы, а она сама, беспомощно опустив руки, остекленевшими глазами смотрит на этого деда.

Я перевёл взгляд на старика, и ничего необычного с первого раза не увидел. Старик, как старик, большая включенная борода, одет в тёмный костюм, под пиджаком, что-то белое, на ногах сапоги, это почему-то я запомнил, именно сапоги. Но, когда я разглядел на его белом лице, мутно-белёдые, без зрачков глаза, мне стало плохо, и я с ужасом понял, что не могу даже пошевелиться. Старик между тем постоял, словно раздумывая, что ему делать, а потом, пошёл в нашу сторону. Я смотрел на старика, и вдруг к ещё большему ужасу увидел, что у него нет одной ноги, но, он идёт так, как будто обе ноги на месте!

Старик подошёл к нам, а потом, протянул к Ольге руку, она словно во сне потянулась было ему навстречу, но, потом, медленно убрала руку за спину. И тогда я понял, что она борется с этим дедом, и не поддаётся ему! Старик видимо это тоже понял, поэтому наклонился вперёд, и взял Ольгу за левую руку. Понимая, что сейчас произойдёт что-то страшное, я на негнущихся ногах подошёл к кресту, торчащему из холмика, в двух метрах от меня. Ухватился за него, и вдруг неожиданно легко выдрал его из земли, потом, так же еле переставляя ставшие тяжёлыми ноги, вернулся к Ольге,

и, подняв крест, ударил им старика по руке. Рука девушки выскользнула из пятерни чудовища, и она опять спрятала руку за спину.

Старик вытянул перед собой руку и посмотрел на свои скрюченные белые пальцы, словно не мог понять, куда девалась его добыча. А потом, он снова посмотрел на Ольгу. И тогда, я ещё раз поднял крест, и, размахнувшись, наотмашь, изо всех сил ударил его в грудь. Старик, неожиданно для меня отлетел на пару метров и упал, я не удержал крест в руках, и он, совершив такой же полёт упал прямо на деда.

Наваждение схлынуло разом, и я заорал:

– Бежим! Бежим быстрее! Или здесь же и подохнем!

Мой вопль словно подстегнул всех. Я, схватил Ольгу и Томку за руки, и мы, побежали в сторону ворот. Нет, мы не бежали, и даже не неслись. Мы летели! Орала и летели, почти не задевая ногами эту проклятую землю, оставляя за собой летящие во все стороны слезы и слюни. Димон и Миха поначалу нас обогнали, но, когда девчонки окончательно пришли в себя, мы догнали их, и дальше уже спасались все вместе. На бегу, я обернулся, и увидел, как старик, скинув с себя крест, встаёт, но, он вставал не как человек, опираясь на руки, и колени. Он поднялся как доска, всей плоскостью тела. И я опять закричал:

– Быстрее! Быстрее! Он встал!

Со страху, в сгустившихся сумерках, мы промахнулись, и выскочили в стороне от калитки, не добежав до неё. Пе-

релезать через высокий забор не рискнули, а ну, как зацепишься чем-нибудь! Поэтому, помчались к ней вдоль забора. Старик от нас не отставал, он каким-то образом надвигался на нас, сокращая расстояние. Когда я в очередной раз обернулся чтобы посмотреть, где он, дед был от нас уже метрах в пятнадцати, и у него уже не было обеих ног! Его тело, словно кто-то перерезал пополам, нижняя половина, где-то осталась, а туловище, вот оно, пришло к нам!

Вылетев с территории кладбища, наша компания помчалась дальше. На бегу я опять обернулся, и увидел, что старик вслед за нами оказавшись возле забора, положил руки на воздух, над изгородью, и словно мим изображая «стену», перебирая руками, медленно продвигается в сторону калитки. В сторону открытой нами калитки! На каком-то генном уровне, осознавая, что его нельзя выпускать, я развернулся, и побежал обратно.

Слава Богу, что проволока была на месте. Закрыв калитку, я схватил проволоку и с трудом загибая, сделал один виток, второй, потом, меня оттолкнул Миха, и махом, словно проволока была из пластилина, обмотал её вокруг столба добрым десятком оборотов. И в это самое время к нам подошёл старик! Но, калитка была уже закрыта! Увидев это чудовище рядом с собой, мы с Михой заорали разом, и, вскочив, рванули от ворот, на бегу столкнулись и упали. Подняться от страха уже не могли, и поэтому, прямо так, на карачках поползли подальше от кладбищенской ограды. А потом, ко

мне подбежала Ольга, и помогла подняться, а Михой занялась подоспевшая вслед за Ольгой Томка.

Мы бежали в сторону деревни молча, наорались уже на кладбище. Бежали мощно, быстро, дружно. Чуть ли не в ногу. Всеми силами, стараясь оказаться как можно дальше от страшного места. Димон, почему-то тащил велик на себе, взгромоздил его на загривок, и тащил. И что характерно, от нас он не отставал. Впоследствии, я его спрашивал, почему, он не ехал на нём? Ответ меня шокировал: он забыл, что на велосипеде можно было ездить, а бросить, было жалко.

Когда наша дурная компания ввалилась на «наше» место, было уже совсем темно. Мы расселись по брёвнам, и несколько минут сидели молча. А потом, произошло то, от чего я опять, чуть не умер. Ольга вдруг заплакала, а потом, подошла, села ко мне на колени, и прижалась мелко вздрагивающим телом к моей груди. Она прижималась ко мне и плакала. А я сидел как дурак, и не знал, что мне то делать, однако, в конце концов, сообразил, крепко прижал её к себе, и сидел так, пока она не успокоилась. Ту же самую процедуру Миха проделал с Томкой, но, когда я это заметил, Томка уже не плакала. Они с Михой просто сидели обнявшись. Как, впрочем, и я с Ольгой.

* * *

А через пару дней, нам всем «нагорело»! Томка не выдержала, и рассказала о таком приключении своей младшей сестре, та своей подружке, и пошло, поехало. Вскоре вся деревня, об этом узнала. Нас пригнали к бабе Маше, она, по видимому, больше всех знала об этом кладбище, и заставили всё подробно рассказать. Когда баба Маша услышала, о том, что Ольга не давала свою руку, этому «упырю», а я, смог огреть его крестом, на наше счастье, уже отгнившем в земле. Она сначала подозрительно посмотрела на нас с Ольгой, а потом, улыбаясь, спросила:

– А вы детки, случайно, не вместе ли? Ольга покраснела, а я проямлил:

– В смысле «не вместе»?

– А в том смысле, ребятки, что только сильное чувство может дать силы воспротивится воле «умруна». А недавно возникшее чувство, так оно вообще, самое сильное, оно и позволило тебе «приложить» эту тварь крестом! Кстати, откуда ты узнал, что нужен именно крест? Я растерялся, и пробормотал:

– Я понятия не имел, что для этого нужен крест, просто так получилось. Он мне как бы первым под руку подвернулся....

Я говорил, а сам во все глаза смотрел на Ольгу, и только одна мысль была в моей дурной, ничего не замечающей голове: «Значит, Ольга уже давно меня... ну, в общем, хотела быть со мной. Она могла сопротивляться этой твари,

но, не так как я, который только пару дней назад понял, что влюблён в неё по самые уши! А я, придурок, корчил из себя неизвестно что, и ничего не замечал».

– А почему так всё получилось? – заинтересованно спросила Ольга. – Откуда ОН взялся? Баба Маша тяжело вздохнула:

– Я точно не знаю доченька, но, старики сказывали, что на этом самом месте, у Русичей капище их истинных богов было. Святое это место было для наших предков. А потом, лет сто тому назад, какой-то умник, облачённый властью, не послушав стариков, велел на этом месте христианское кладбище «заложить».

– А дальше? – поторопила бабушку Ольга.

– А дальше моя хорошая, не приняла наша истинная ведическая вера, веру христову, пришлую веру. Чужда она оказалась этому намоленному русским богам месту. Не принимает это место христиан! Не даёт им посмертного покоя. Вот и маются они... в посмертии своём.

Баба Маша много ещё чего нам рассказала, мы с Ольгой для неё стали вроде как посвящёнными. А когда, уже попрощавшись с бабушкой, мы шли по деревне, взявшись за руки, Ольга сказала:

– Знаешь, я думаю, что нам не надо распространяться о том, что мы от бабы Маши узнали!

– Согласен, – улыбнулся я, – мне как-то не светит, в психушку загреметь. И дальше уже шли молча, и мне казалось,

что мы с Ольгой думаем об одном и том же: «Не зря! Ох, не зря! И не просто так, чтобы потешить наше любопытство, рассказала нам бабка всё, что знала об известной ей нечисти. И не просто так, я запомнил всё, что она рассказывала. Всё! Слово в слово! Не такая уж у меня и хорошая память. А вот, поди ж ты, запомнил почему-то. Запомнил, и уже не забуду....»

Часть вторая

Убить лешего

Весенний лес был потрясающе красивым. Даже мне, с моей толстокожестью, эта картинка раскинувшегося передо мной великолепия нравилась. Я закрыл глаза и глубоко, как у доктора на приеме, полной грудью вдохнул в себя наполненный терпкими лесными ароматами воздух. Ну а что, такой лесной воздух лечит получше нынешних врачей! Стоял бы так и стоял, в последнее время не часто мне вот так вот удаётся лесным воздухом подышать, дела всё больше в городе удерживают.

Полтора часа быстрого хода вывели меня на вершину холма, с одной стороны которого образовалась полянка, местами заросшая густым кустарником. Эта поляна и позволила полюбоваться раскинувшейся вокруг ершистой поверхностью весенней тайги, тёмный цвет лапника которой начал разбавляться светлой зеленью молодой листвы. Я ещё раз с удовольствием втянул в себя воздух и открыл глаза. Ладно, пора начинать работать, тем более, что моя работа уже минут пять как сама вышла на меня и теперь рассматривала мою персону, притаившись за кустами.

– Давай, дед, вылезай-ка ты из этих кустов, – пробормотал

я себе под нос. – Познакомимся, за жизнь нашу поговорим.

Казалось бы, с такого расстояния разобрать моё бормотание было невозможно, но леший услышал. В кустах, находящихся в десятке метров от меня, началась какая-то возня, а потом раздался неприятный скрипучий голос:

– Сейчас, сейчас уже выйду! Познакомимся, голубь ясный. Обязательно познакомимся!

Я усмехнулся: «Конечно, выйдешь! Куда же ты денешься? Сапоги вот сейчас на свои ножищи напялишь, спрячешь огромные когтистые ступни, чтобы они тебя раньше времени не выдали, и выйдешь. Прёт тебе, дед, в последнее время! Добыча, можно сказать, сама тебя находит».

Это был обычный леший, можно сказать, стандартный. Росточком метр двадцать, не больше. Маленькое, сморщенное, как кишмиш, личико и растрёпанная рыжая борода с запутавшимися в ней прошлогодними травинами. Одет в старый драный ватник, подвязанный верёвкой, и замызганные холщовые штаны, которые давно стали чёрными, утратив свой естественный цвет. И, конечно, кульминация всего этого безобразия – огромные, наверное, не меньше пятьдесят шестого размера кирзовые сапоги, которые смотрелись на этом мелком создании совершенно по-идиотски. Меня, кстати, всегда волновал вопрос: где они берут обувь такого размера? Ответа не находил!

Нелепо перебирая сапожищами, как пловец ластами на берегу, леший не торопясь направился ко мне, и чем бли-

же он подходил, тем выше задиралась его лохматая головёнка и тем большая растерянность проступала в его маленьких голубеньких глазках. Его оторопь вообще-то можно понять: во мне было добрых два метра роста, и он не дотягивался мне до глаз, росточка у него не хватало. А ему именно мои глаза и нужны были. Так уж сложилось: чтобы забрать жизненную силу у человека, это создание должно было добрататься до его мозга через глаза.

Через глаза человек воспринимает большую часть информации о нашем мире, значит, и путь должен быть только таким.

– Что, дед, проблемка, как я вижу, у тебя возникла, – процедил я. – Не знаешь, каким образом палец свой пристроить?

– Ты... голубь... откуда такой... прыткой... взялся? – протянул леший и осмотрелся, словно опасаясь, что из леса на полянку начнут выбираться другие такие же, как я, нестандартные люди.

– А вот мы сейчас присядем, вон у костерка, на брёвнышко, и тогда я тебе всё подробно и расскажу: кто я такой, откуда и зачем я здесь, – ответил я и, не обращая больше внимания на лешего, направился к старому кострищу, возле которого лежало толстенное бревно, по-видимому, уже не одно десятилетие использовавшееся охотниками да шишкарями в качестве скамейки.

До бревна я добрался первым, уселся, с удовольствием вытянул ноги и поднял голову, чтобы посмотреть на дедка, ко-

торый уже стоял напротив меня и улыбался, что делало его сморщенную физиономию ещё более сморщенной и отвратной.

– Ну вот и всё, голубь, – довольно проговорил леший и, быстро подняв свою корявую ручонку, воткнул мне в глаз длинный, когтистый палец...

Я хмыкнул, когда увидел, как леший в предвкушении даже прищурился, ожидая, когда в него устремится энергия, накопленная большим и бестолковым человеком.

– Что, кудрявый, что-то пошло не так? – ехидно осведомился я и, когда удивлённый лесовик обернулся на мой голос, быстрым, давно отработанным движением воткнул ему под челюсть длинный заговорённый стилет.

Мне тоже нужен был его мозг. Иначе никак. По-другому его не убьёшь. Можно было, конечно, и просто попробовать череп пробить, но был риск сломать тонкое жало стилета. Бошка у него, знаете ли, крепкая, а это грозило такой вознёй впоследствии, что мама не горюй!.. Это испорченное создание было чертовски сильным!

Взмахом руки разогнав собственный морок, я уселся на бревно и на этот раз наконец-то с удовольствием вытянул ноги. Ну что ж, одно дело я сделал, осталось ещё одно дельце. Оно уже посложнее будет. Персонажей в нём побольше, да и находится оно подальше, значительно дальше, пару дней по лесу добираться придётся. Но это будет потом, а сейчас надо завершить все дела здесь, и я, тяжело вздохнув, по-

смотрел на неестественно вытянувшееся неподвижное тело лешего...

– Ну вот, так-то лучше будет, – проворчал я и, встав с колен, брезгливо бросил на старый ватник лешего его же замызганные штаны, которые с трудом стянул с тощих, покрытых серой шерстью ножек – штанины цеплялись за внушительные когти, украшавшие ступни лесного жителя.

Его можно было, конечно, и не раздевать. Чего, спрашивается, заморачиваться по поводу спятившего хозяина, успешшего уже отнять жизни у нескольких человек? Но по-другому я не мог: всё-таки это один из первых разумных жителей земли, чтобы там ни говорила на этот счёт учёная братия. Они жили ещё вместе с динозаврами, причём управляли этими гигантскими ящерами. Слушались их эти громадины, как слушаются сейчас, в наше время, все без исключения животные и птицы.

Я поправил рюкзак, оглянулся на лохматое тело лешего, ставшее похожим на большую кочку, и скорым шагом направился в сторону высоко уже забравшегося светила. Об оставленном теле лешего я не беспокоился: его всё равно никто не успеет увидеть. Земля сотню миллионов лет назад породила его, она же и приберёт. Через пару часов это создание погрузится в почву, как в болото. А позже на этом месте вырастет папоротник, и однажды он зацветёт!..

За десять часов я успел намотать по лесу километров пятьдесят, что было очень даже неплохо, особенно если учитывать то, что я ещё и не торопясь пообедал. Я вообще трепетно, можно сказать, отношусь к приёму пищи. Нравится мне это дело! Не зря же один умный человек сказал примерно следующее: «Приём пищи – это наслаждение, которое дано человеку не только каждый день, но и несколько раз в день!». Вот я и старался в меру возможности получать удовольствие от этого нехитрого, дарящего уйму блаженства действия! К тому же, к любому выходу я готовился заранее, и в моём старом, ещё «советском» рюкзаке лежали с десятков специальных пакетов, в которых месяцами не портились уже приготовленные блюда. Вывалил из пакета в солдатский котелок, разогрел на костерке, и пожалуйста – кушанье готово! Как правило, это были всевозможные каши с мясом, которые я ещё с детства любил страстно и нежно. На них, видимо, такой и вырос!

Когда дело пошло к вечеру, я нашёл небольшую полянку, развёл костёр, поужинал и стал готовиться к ночлегу. Весной темнота наваливается быстро. Вот только что было светло, и вдруг на тебе: ярче вспыхнул костёр, деревья стали выше и корявее, между ними начали мелькать какие-то тени!.. К слову сказать, меня это мельтешение теней совершенно не беспокоило. Мне было известно, что в ближайшей округе никого нет. Да даже если бы и был кто, то ко мне этот кто-то

подойти всё равно бы не смог, если бы я, конечно, сам этого не захотел.

Я уже засыпал, когда в мозгу настороженно звякнул колокольчик. Сел и отложил в сторонку легкое одеяло, которым укрылся на ночь. Прикрыл глаза, осторожно «пощупал» пространство. Ага! Есть такое дело! Гость, и гость уважаемый, здешних мест хозяин. Снимать защиту не стал. Во-первых, он её всё равно преодолееет: его это вотчина, силён он дома. Во-вторых, пускай он заметит защиту, надо, чтобы знал: перед ним не просто человек и он не просто так погулять вышел. Не у него одного, знаете ли, дела в лесу могут быть.

Минут через пять в кустах раздался негромкий треск, как будто через них пробирался кто-то неуклюжий, и почти сразу же послышался скрипучий голос:

– Позволь, мил человек, у костерка обогреться, а то ночи, вишь, зябкие стоять, совсем я чтой-то продрог!

Я усмехнулся: «Ага! Продрог он! Как же! Зябко ему, видите ли, стало! Ты бы ещё ножкой от холода посучил для достоверности!». Но от канонов гостеприимства отступить не стал, сделал приглашающий жест рукой и как можно приветливей произнёс:

– Рад видеть хозяина мест здешних! Прошу к огню, обогреться и в самом деле не помешает. Гостеприимным быть не сложно, тем более, что гость предупредил о своём появлении специально потрещав ветками.

Лесовик не торопясь, вперевалочку подошёл, несколько

секунд внимательно меня разглядывал, затем, видимо прийдя к какому-то решению, уселся с другой стороны костра, вольготно развалив по сторонам свои огромные ступни, снабжённые нехилыми когтями. Взяв сухонькой ручкой ветку, он положил её в огонь.

Я не торопил хозяина: захочет сказать, зачем пришёл, — скажет, не захочет — молча встанет и уйдёт. А ты потом гадай, зачем он вообще приходил. Странные они, эти лесные жители. Нелюди, одно слово. По правде говоря, мне было известно, зачем он пришёл. Недалеко от здешних мест был убит леший, собрат его, а о смерти своего ближнего они каким-то образом сразу все узнают. Поблизости же только я оказался, значит, с меня и спрос будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.